

Наследие Древней Руси

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

Андреева Екатерина Александровна,

кандидат филологических наук,

учитель русского языка и литературы,

АНО «ШКОЛА «ПРЕЗИДЕНТ»»,

Одинцовский р-н, дер. Жуковка, Ильинский подъезд, д. 2, стр. 1,

143082 Московская область, Российская Федерация

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

РОМАН ОЛЬГОВИЧ РЯЗАНСКИЙ — ЗАЩИТНИК ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ (по древнерусским источникам)

Аннотация: Эпоха татаро-монгольского ига принесла в литературу новый тип героя — князя, защитника городов, сограждан, христианской веры. Такой подвиг во имя отечества часто сопровождался трагической гибелью. Древнерусская литература знает множество подобных примеров, зафиксированных реже в житиях князей, чаще в летописных сводах. Задача данной статьи — рассмотреть способы создания образа героя-защитника православия в повествованиях о Романе Ольговиче Рязанском, замученном в Орде в 1270 г. Их отличительной особенностью является особая эмоциональность и натуралистичность в описании последних минут жизни и гибели князя. Материал работы составляют летописные сообщения о гибели рязанского князя, а также краткое житие (мартирий), помещённое в «Степенной книге царского родословия». На основе наблюдения над ними выявлены различные способы повествования о мучении: краткие, передающие основные события и рассказывающие непосредственно о гибели Романа Ольговича, и подробные, включающие в себя речи героя и авторскую характеристику персонажа, снабжённые поучениями летописцев. Житие, помещённое в «Степенной книге», являет собой одно из самых эмоциональных произведений древнерусской литературы, создаёт образ истинного защитника православия, не желающего подчиниться власти хана. Образ рязанского князя, пострадавшего за веру в Орде, стал знаковым для своего времени. Борьба с татарами стала иметь не только политический, но и духовный смысл.

Ключевые слова: Древняя Русь, Орда, князь, летопись, житие, страдание, мученик, святой.

Эпоха татаро-монгольского ига выдвинула на первый план в литературе нового героя — князя-защитника городов, сограждан, православной веры, человека

твёрдого и непоколебимого, готового принять страдания ради соотечественников и своим примером показать, как нужно действовать в ситуации выбора. Подвиг князей, причисленных после мученической кончины в Орде к лику святых благоверных князей, являлся исторически очевидным, не только национальным, но и церковным служением.

Среди погибших в Орде князей следует упомянуть Михаила Всеволодовича Черниговского (1246), Ярослава Всеволодовича Суздальского (1246), Андрея Мстиславича Черниговского (1245), Романа Ольговича Рязанского (1270), Василия Константиновича Рязанского (1308), Михаила Ярославича Тверского (1318), Дмитрия Михайловича Тверского и Александра Новосильского (1325), Ивана Ярославича Рязанского (1327), Фёдора Ивановича Стародубского (1330), Бориса Давыдовича Дмитровского (1334), Александра Михайловича Тверского (1339). О предсмертных мучениях и гибели многих из перечисленных князей остались лишь краткие летописные свидетельства. Причиной смерти русских князей в ханской ставке прежде всего стала политика татар, направленная на истребление неудобных им князей, стремящихся к объединению русских земель. Поэтому ордынцы разжигали и всячески поддерживали вражду удельных князей между собой. В некоторых случаях причиной мучений и гибели русских князей становились вопросы вероисповедания. Так, Михаил Всеволодович Черниговский и Роман Ольгович Рязанский принимают страдания за то, что отказываются поклониться языческим божествам и остаются стойкими в исповедании православия.

О Романа Ольговиче Рязанском осталось не так много сведений, как о Михаиле Черниговском, Михаиле Ярославиче Тверском или Александре Михайловиче Тверском. Достаточно лаконичные упоминания о его страданиях и гибели представлены в некоторых русских летописях, и краткое житие помещено в «Степенной книге царского родословия». При этом повествование о рязанском князе до сих пор остаётся одним из самых эмоциональных, так как натуралистично и подробно воспроизводит картину страшных истязаний и мучений героя.

Летописные источники по-разному подходят к изображению событий, произошедших в ордынской ставке в 1270 г. В них встречаются как краткие упоминания о произошедшем в виде констатации совершившегося факта, так и более подробные рассказы, отражающие основные события и дающие им определённую эмоциональную оценку.

Краткие упоминания о гибели Романа Ольговича Рязанского находим в Новгородской IV, Ермолинской и Львовской летописях (см. с. 178).

Каждое из летописных сообщений помещено в конце погодной записи, причём все они сообщают практически одни и те же сведения: Роману Ольговичу заткнули уста, стали казнить его, отделяя члены тела, после чего отрезали голову и воткнули её на копьё. Только в Новгородской летописи содержатся дополнительные сведения о дне смерти героя, чуть более подробно обрисованы истязания князя, а в конце погодной записи подвиг его оценивается как мученичество и уподобляется подвигу христианского мученика IV в. Иакова Перского (или Персиянина). Иаков, выходец из христианской семьи, занимал высокую должность

при дворе персидского царя-язычника и стал выполнять языческие обряды. После этого мать и жена Иакова написали ему письмо, в котором увещевали его не отступать от христианской веры, Иаков раскаялся в содеянном и стал молиться. Царь призывал его отказаться от христианской веры, но его подданный не отступил. За это Иаков Перский принял страшные мучения: отсечение всех членов тела. Как видим, уподобить двух героев можно лишь в мученической кончине, обстоятельства их жизни разные: Иаков служит царю, а Роман Ольгович — русский удельный князь, Иаков однажды склонился к языческой вере, но вскоре раскаялся под воздействием увещаний близких ему людей, о Ромane Ольговиче из приведённых статей этого сказать нельзя (в других источниках будет отмечено, что он отказался исполнять языческие обычаи и смело отстаивал христианскую веру перед ордынцами). Именно жестокая расправа над мучеником IV в. и русским князем, жившим в XIII в., соединила эти имена.

Новгородская IV летопись	Ермолинская летопись	Львовская летопись
Убиень бысть князь Роман Олгович Рязанскій отъ поганых Татар июля в 19, бысть сице убъение его: заткаша уста его убрусомъ, и начаша рѣзати по составомъ и метати разно, ако розоимаша, оставиша трупъ единъ, они же одраша голову его и на копье взоткнуша; се новии мученикъ бысть, подобень страстью Якову Перьскому [5]	Убъень бысть отъ Татаръ во ордѣ князь Роман Олгович Рязаньски: заткоша уста его разоимаша его по съставомъ и разметаша, а главу одравъ, на копье взоткоша [1]	Того же гору убиень бысть от Татаръ князь Романъ Ольговичъ Рязаньскій: заткоша уста своя, и разымаша его по составомъ, и разметаша, а главу его одравъ, на копье взоткоша [3]

Чуть более подробное сообщение о гибели рязанского князя находим в Московском летописном своде конца XV в.: «То же лѣта убиень бысть князь Романъ Ольгович Рязанскы от поганых Татаръ, и бысть сице убиеение его. Заткоша уста его убрусомъ и начаша рѣзати его по составом и метати разно, и, яко розоимаша его, остася трупъ единъ, они же одравше главу ему взоткоша на копие. Се бысть новии мученикъ, подобень страстию Якову Перскому, и купи си страстию царствие небесное, и вѣнецъ приять от руки господня со сродникомъ своим князем Михаилом Черниговским; убиеение же его бысть мѣсяца иуля 19» [4]. Летописец также выделяет мученический аспект подвига героя и указывает, что именно страданиями своими русский князь подобен Иакову Перскому. Но и в русской истории у Романа Ольговича были предшественники, самым известным из которых стал Михаил Всеволодович Черниговский, мученик за веру в Орде, отказавшийся поклоняться языческим идолам. Отсюда и образ венца, символа мученичества за христианскую веру, страдания. Таким образом, по своей сути подвиг Романа Рязанского подобен подвигу черниговского князя, а по сопряжённым с ним мучениям

настолько страшен, что даже превосходит то, что сделали ордынцы с негодным им черниговским князем.

Более подробные повествования о гибели рязанского князя в Орде представлены в Симеоновской и Никоновской летописях. В Симеоновской летописи повествование помещено под 6778 г., имеет заголовок «Убіеніе великаго князя Олгова Инваровичя Рязанскаго» и занимает практически всю погодную статью (за исключением последнего предложения, в котором говорится о походе князя Ярослава на Новгород). К описанным в рассмотренных ранее в летописях мучениям, которым подвергался князь, добавляется следующая деталь: «они же одраша кожу от главы его» [6]. Сразу же после повествования о мученической кончине следует авторская реплика-поучение русским князьям, которая также присутствует и в Никоновской летописи:

Симеоновская летопись	Никоновская летопись
<p>О възлюбленніи князи Русскіе не прелщайтеся пустошною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины есть и яко стѣнь мимо идеть, не принесосте бо на свѣтъ сеи ничто же, ниже отнести можете, не обидите меньшихъ си сродникъ своихъ, аггели бо ихъ видять лице Отца вашего, иже есть на небесѣхъ, възлюбите правду и долготерпѣніе и чистоту, да радости святыхъ исполнитеся, якоже и сіи блаженнии князь Романъ купи си страстію царство небесное и вѣнецъ пріять от руки Господня съ сродникомъ своимъ Михаиломъ [6].</p>	<p>О, възлюбленніи князи Русстїи! Не прелщайтеся суетною, и мало-временною и прелестною славою свѣта сего, еже хужьши паучины есть, измѣнуеть бос я въ чясѣ временнѣ, и яко мимо грядеть, и яко дымъ исчезаеть, и яко сон есть вся; не принесосте убо на свѣтъ сей ничто же, ни отнести что можете, нази убо изыдосте изъ чрева матерее своя, нази и отгидете; не обидите убо друг друга, и не лукавствуйте межъ собою, и не возхищайте чюжихъ, и не обидите меньшихъ сродникъ своихъ. Аггели бо ихъ видять лице Отца вашего, иже есть на небесехъ. Возлюбите истинную правду, и смирение, и длѣготрѣпѣніе, и чистоту, и любовь и милость, да радости святыхъ исполнитеся, якоже и сей блаженный князь Романъ купи себѣ страстію царствіе небесное, и вѣнецъ пріять отъ руки Господня съ сродникомъ своимъ, великимъ княземъ Чръниговскимъ Михаиломъ Всеволодичемъ, пострадавша по Христѣ за православную христьянскую вѣру [2, с. 149–150].</p>

Гибель Романа Ольговича Рязанского стала поводом к размышлению летописцев о бренности мирской славы и превратилась в основу для поучения русским кня-

зьям, призывающего к миру и согласию. Автор Симеоновской летописи использует два эпитета для описания и характеристики мирской славы: «пустошная» и «прелестная», а в Никоновской летописи число эпитетов возрастает до трёх: «суетная», «маловременная» и «прелестная» — и дополняется сравнениями «яко дымъ исчезаетъ», «яко сонъ есть». Этими художественными средствами подчёркивается отсутствие духовного начала в желании удельных князей возвыситься за счёт других, кратковременность этого возможного возвышения, пагубно влияющая на душу русского князя, обманчивость подобного стремления. В Никоновской летописи это подкрепляется размышлением о том, что человек, прожив жизнь, не может забрать с собой ничего из нажитого, материального.

Автор Симеоновской летописи в противоположность брэнному и суетному в жизни приводит такие чувства и внутренние качества, как правда, долготерпение, чистота. Создатель Никоновской летописи добавляет к ним смирение, любовь, милость. Только благодаря этим внутренним способностям и устремлениям можно преодолеть «прелестное» желание возвыситься. Летописцы в обоих памятниках призывают быть милосердными по отношению к «меньшим сродникам» — князьям, имеющим меньше привилегий в удельных спорах. А автор Никоновской летописи добавляет, что нельзя отбирать чужое, обманывать друг друга.

Хотя данная летописная статья никоим образом не упоминала о том, что Роман Ольгович Рязанский был вовлечён в какой-либо конфликт с другими удельными князьями, причиной которого стала его гибель, именно события, связанные с его казнью в Орде, стали основой для поучения всем русским князьям. Это связано в первую очередь с тем, что монголо-татарское иго воспринималось как наказание русским князьям, поддерживающим междоусобные конфликты и не желающим объединиться для борьбы с врагом. Особое внимание обращает на себя заключительная часть поучения, помещённого в Никоновской летописи. Летописец отчётливо и прямо подчёркивает главное в подвиге русского князя — страдание за веру, и Роман Ольгович Рязанский признаётся мучеником за православную веру.

Никоновская летопись, в отличие от Симеоновской, передававшей события последних минут жизни героя кратко и лаконично, стремится к более подробной подаче материала. Летописец прибегает не только к пересказу основных событий, включая в них авторскую характеристику произошедшего, но и вносит в летописную статью прямую речь героя, отстаивающего свою веру. Возможностью прямо высказать свои убеждения наделён только русский князь, а его противники ничего не произносят. Прямая речь становится тем приёмом, который выражает отношение летописца к описываемым событиям. Русский князь, защищающий православную веру и отказывающийся соблюдать языческие обычаи, правдив и честен в своём решении, идущем от сердца. Его речи отражают чистоту его помыслов, поэтому он произносит следующие слова: «Не достоить православнымъ христіаномъ оставя вѣру свою православную и приимати вѣру бесерменскую поганую» и «Христіанинь есмь, и воистину христіанскаа вѣра свята есть, и ваша Татарскаа вѣра погана есть» [2, с. 149]. В каждой из двух реплик рязанский князь подчёркивает преимущества православной веры и даёт негативную оценку татарским верованиям.

Поступки противников русского князя характеризуются опосредованно. Сказано, что Роман Ольгович «оклеветанъ бысть во Ордѣ» [2, с. 149], значит, в Орде его оговорили, выдвинув изначально несправедливые обвинения. Слова татар или же русских князей, желающих гибели рязанского князя, — клевета, неправда. Очевидно, что сначала героя склоняют поклониться идолам: «начяша нудити его къ вѣрѣ ихъ» [2, с. 149], и лишь потом прибегают к физическому воздействию: «начяша его бити» [2, с. 149], но после ещё более резкого ответа Романа Ольговича, не желающие слушать его слов татары отрезают язык и затыкают русскому князю рот. Так в Никоновской летописи перед нами появляется образ князя, вступающего в открытый конфликт с ордынцами и объясняющего, почему он отказывается выполнять их повеления. Налицо прения о вере, с тем лишь исключением, что прямой речи татар в тексте летописи нет, так как летописец заведомо считает их слова лживыми и несправедливыми. Роман Ольгович Рязанский на страницах Никоновской летописи предстаёт смелым в своих действиях и речах человеком, уверенным в своей правоте, не желающим оправдываться перед татарами, дабы сохранить свою жизнь. Таким образом, смерть героя является его осознанным решением, в котором он не поколебался, вынеся столь страшные мучения.

Самое подробное и эмоциональное описание гибели рязанского князя помещено в «Степенной книге царского родословия» в девятой главе девятой степени. Оно носит название «Страдание великаго князя Романа Олговича Рязаньскаго въ Ордѣ за вѣру Христову». Вынесенное в заглавие слово «страдание» выявляет событие, ставшее основным объектом изображения, являющееся самым напряжённым и потому кульминационным в данном повествовании. Более того, автор сразу определяет тип подвига героя как страдание за веру Христову. Действительно, Роман Ольгович Рязанский на страницах «Степенной книги» предстаёт, как и в летописных записях под 6778 г., только в ипостаси мученика за веру, о его воинских доблестях и качествах как политика не упоминается. Перед нами краткое житие, по своему типу представляющее мученичество. Изначально в мученичествых житиях содержались крайне скудные сведения о герое-мученике. Подсудимому задавался ряд вопросов о его имени, родине, принадлежности к христианской вере. Судья старался убедить христианина отказаться от его веры, а после отказа принести жертву языческим богам смертный приговор приводился в исполнение. Таким образом, основными составными частями мученичества были три важных эпизода:

- события до мученичества (довольно краткие),
- допрос,
- приговор вместе с описанием смерти.

Житие Романа Ольговича Рязанского начинается с фиксации точной даты «бысть в лѣто 6778» [7, с. 542], после чего сразу становится очевидно, что речь пойдёт о прибытии русского князя в Орду и его казни. Традиционно для «Степенной книги» далее следует генеалогия героя, перечисление его родственников по мужской линии: «велики князь Романъ Олговичъ, внукъ Инъвгаревъ, правнукъ Игоревъ, праправнукъ Глѣбовъ. Глѣбъ же сын Ростиславль, внукъ Ярославль, праправнукъ Свѣтославль, праправнукъ Ярославль Владимирича» [7, с. 542]. Так автор,

отмечая предков героя, доходит до самого прославленного из них — Ярослава Владимировича Мудрого. Ничего не сообщается о том, как оказался князь в Орде и по какой причине он приехал, но, уже будучи в ханской ставке, рязанский князь был оклеветан перед ханом Менгу-Темиром.

Известно, что Менгу-Темир был одним из самых веротерпимых правителей. Во время его правления прекратился сбор налогов мусульманскими купцами, он освободил церковные земли от налогов, а оскорбление православной религии каралось смертью. Однако самое страшное убийство за веру произошло во время его правления. Дело в том, что рязанского князя обвинили в том, что он хулит хана и веру монголов: «Сей велики князь Романъ хулить тебе, великаго царя, и вѣрѣ твоеи ругается» [7, с. 542]. Терпимость ордынцев имела обратную сторону, они требовали уважительного отношения и к своей вере.

Татары сначала принуждали Романа Ольговича «ово ласканми, ово прѣщениемъ» [7, с. 542], т. е. в ход шли словесные уговоры и угрозы. На это рязанский князь отвечает уверенно и даже дерзко: «Не достоить православнымъ христианомъ оставити истиннаго Бога непорочную вѣру и вѣслѣдовати обычаемъ бѣсовския прелести, богомерскаго идолослужения сквернавыя и гнусныя вашей вѣры, ея же не токмо не приимаю, но и оплеваю и проклинаяю» [7, с. 542]. Это не просто ответ татарам на вопрос о возможности принятия их веры, это — речь в защиту истинной веры. Поэтому Роман Ольгович прибегает к оценочным прилагательным: говоря о христианской вере, он использует слова «истиннаго», «непорочную», а высказываясь о вере противников, князь не скупится на такие слова, как «бѣсовския», «богомерскаго», «сквернавыя», «гнусныя». Помимо характеристики, которую рязанский князь даёт христианству и язычеству, он не просто отказывается от принятия веры татар, но и отказывается её уважать и почитать, открыто заявляет, что оплёвывает и проклиняет её. Эти слова приводят к тому, что от уговоров и угроз ордынцы переходят к действиям и начинают избивать князя. И снова, твёрдо стоя на своём, рязанский князь произносит: «Христианинъ есмь, и вѣистинну свята есть христианская вѣра. Ваша же татарская вѣра погана есть и мръзка» [7, с. 542]. Эта фраза построена по тому же самому принципу, как и первая реплика героя: противопоставление истинной веры и веры татар. Далее следует сцена мучений князя, воспроизведённая очень подробно, и это сцена наивысшего эмоционального напряжения: «Погании же <...> богоглаголивый языкъ его отрѣзаша и христопоповѣданная уста его убрусомъ заткоша, и честныя члѣны святаго тѣлеси его по составомъ рѣзаше и меташа разно, и к Богу въздѣваемыхъ рукъ его вся скипетродръжателныя прѣсты его обрѣзаша, тако же и краснѣишихъ ногъ его вся прѣсты нещадно обрѣзаша, и прочая благородныя его уды раздробиша, токмо трупъ един оста. Боговѣнчанная же глава его кромѣ отъята бысть, ея же святую кожу съдраша и на копие взоткоша» [7, с. 542].

На протяжении краткого жития встречаются прямые авторские оценки поступка главного героя. Он именуется следующим образом: «исповѣдникъ Христовъ», «великий князь» (хотя ярлык на великое княжение никогда не получал, правя в Рязани; в данном случае перед нами не титулатура, а оценка его поступка),

«святаго мученика». В сцене мученической казни героя его язык назван «богоглаголивим», уста «христороповѣданными», что ещё раз подчёркивает смысл страдания героя: защита христианской веры, желание открыто отстоять её перед татарами. Автор жития почти каждый раз, говоря о том, как казнят героя, добавляет эмоционально насыщенный эпитет: руки «скипетродръжателныя», ноги «краснѣишия», уды «благородныя», голова «боговѣнчанная», кожа «святая». Они передают авторскую оценку образа Романа Ольговича и его страдания, а также подчёркивают значение и смысл совершённого им подвига, его святость и важность.

В противоположность рязанскому князю, изображённому только светлыми красками, татары представлены ярко отрицательными персонажами. Автор подбирает для их характеристики яркие оценочные выражения: «отъ нѣкоихъ злодѣивыхъ», «клеветникомъ», «безбожнии». Несмотря на то что в самом начале жития назван хан Менгу-Темир, в дальнейшем действии он фактически не участвует, он лишь передаёт Романа Ольговича в руки татарам, чтобы они совершили над ним казнь. Образ татар — собирательный, воплощающий лживость, зло, несправедливость и жестокость.

В заключении жития говорится о том, что своим мученическим подвигом Роман Олегович уподобился Иакову Перскому, в параллель русскому князю приводятся также Борис и Глеб, Михаил Черниговский и боярин его Феодор. Если сопоставления с Иаковом Перским и Михаилом Черниговским происходит на основе сходства сути подвига и мученической кончины героев, то уподобление Борису и Глебу имеет несколько иной смысл. Борис и Глеб не пострадали за веру и погибли не от внешнего врага, а пали жертвами междоусобных браней между русскими князьями, стремящимися заполучить великокняжеский стол. Смысл данного сравнения в том, что и Борис и Глеб, и Роман Ольгович не пытаются избежать смерти, они принимают её, не желая отступать от осознанного ими решения.

Подвиг Романа Ольговича Рязанского оставил след в древнерусской литературе не только рязанского княжества. Авторы древнерусских летописей часто кратко, а в некоторых случаях более подробно фиксировали события, произошедшие в Орде в 1270 г. Образ рязанского князя, пострадавшего за веру в Орде, стал знаковым для своего времени. Как писал Г. Федотов, «татарское иго создало условия для настоящего мученичества за Христа» [8]. И несмотря на то что татары старались проявлять веротерпимость по отношению к покорённым, для русского князя борьба с татарами имела не только политический, но и духовный смысл. Протест, высказанный русскими князьями против татарских верований, является не чем иным, как стремлением бороться с внешним врагом и нежеланием находиться в полной от него зависимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Ермолинская летопись / Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 23. 342 с.
- 2 Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. Мин-ва внутренних дел, 1885. Т. 10. 244 с.

- 3 Львовская летопись / Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 20. Часть первая. 418 с.
- 4 Московский летописный свод конца XV века / Полное собрание русских летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 25. 464 с.
- 5 Новгородские и Псковские летописи / Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип Э. Праца, 1848. Т. 4. 360 с.
- 6 Симеоновская летопись / Полное собрание русских летописей. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 18. 328 с.
- 7 Степенная книга царского родословия. М.: Языки славянских культур, 2007. Т. 1. 542–543 с.
- 8 Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Изд-во АСТ, 2003. 77 с.

* * *

Andreeva Ekaterina Aleksandrovna,

PhD of Philology,

Noncommercial Institution «“PRESIDENT” SCHOOL»,

Bldg 1, Il'inskiy pod`ezd 2, Zhukovka, Odintsovskiy district,

143082 Moscow region, Russian Federation

E-mail: aaa46aaa@yandex.ru

ROMAN OLGOVICH OF RYAZAN — THE DEFENDER OF THE ORTHODOX FAITH (IN ANCIENT RUSSIAN SOURCES)

Abstract: The era of the Tatar-Mongol yoke brought into literature a new type of hero — the prince, the defender of cities, their citizens and the Christian faith. Heroism for one's homeland was often accompanied by tragic death. Old Russian literature knows many such examples, which were recorded less frequently in the hagiographies of the princes and more often in the chronicles. The purpose of this paper is to examine the ways of creating the image of the hero-protector of Orthodoxy in narratives about Roman Olgovich of Ryazan, murdered at the Horde in 1270. The distinctive feature of those narratives is particular emotiveness and naturalism in the description of the last minutes of the life and the death of the prince. The work is based on the chronicle reports about the death of the Ryazan prince and a short hagiography (martyrium) placed in «The Book of Degrees of Royal Genealogy». The result of the examination is the identification of various ways of narration about torment (martyrdom): brief stories, describing the main events and telling directly about the death of Roman Olgovich, and detailed ones, including speeches of the hero and the author's characteristics of the personage, with the supplement of the chroniclers' teachings. Hagiography, placed in «Stepennaya book» is one of the most emotional works of old Russian literature. It creates the image of a true defender of Orthodoxy, not wishing to submit to the authority of the Khan. The image of the Ryazan prince who suffered for the faith in Horde, became a landmark of its time. The struggle against the Tatars was getting not only a political but also a spiritual sense.

Keywords: old Russia, Horde, prince, chronicle, hagiography, suffering, martyr, holy.

REFERENCES

- 1 Ermolinskaia letopis' [Ermolinskaya chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova Publ., 1910. Vol. 23. 342 p.
- 2 Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'iu [Chronicle collection named Patriarch or Nikon's chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. Min-va vnutrennikh del Publ., 1885. Vol. 10. 244 p.
- 3 L'vovskaia letopis' [Lvov chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. M. A. Aleksandrova Publ., 1910. Vol. 20, First part. 418 p.
- 4 Moskovskii letopisnyi litsevoi svod kontsa XV veka [Moscow chronicle corpus of the end of XV century]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR Publ., 1949. Vol. 25. 464 p.
- 5 Novgorodskie i Pskovskie letopisi [Novgorod and Pskov chronicles]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, Tip. E. Pratsa Publ., 1848. Vol. 4. 360 p.
- 6 Simeonovskaia letopis' [Simeonov chronicle]. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian chronicles]. Moscow, Iazyki slav'anskikh kul'tur Publ., 2007. Vol. 18. 328 p.
- 7 *Stepennaia kniga tsarskogo rodoslovnia* [The Book of Degrees of Royal Genealogy]. Moscow, Iazyki slav'anskikh kul'tur Publ., 2007. Vol. 1. 542–543 p.
- 8 *Fedotov G. Sv'atye Drevnei Rusi* [The Saints of ancient Russia]. Moscow, Izd-vo AST Publ., 2003. 77 p.